

Читателям журнала полюбились очерки наших давних авторов — историков Владимира Руги и Андрея Кокорева. Редакция публикует ещё один материал из подготовленной ими серии описаний московского быта XIX — первой половины XX века.

ВЛАДИМИР РУГА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

СЫЩИКИ И ВОРЫ

*— Не замечала ты: сегодня мимо нас
Какой-то господин проходит третий раз?
— Да мало ль ходит их...
— Но этот ищет, рыщет,
И по глазам заметно, что он сыщик!..*

И. Ф. Анненский

История розыска уголовных преступников, по утверждению учёных из системы МВД, уходит своими корнями во времена Киевской Руси*. В рамках теории классового общества такое рассуждение вполне логично: раз у славян возникла частная собственность, значит, обязательно должны были появиться люди, стремившиеся присвоить чужое имущество. А поскольку защита прав собственников является одной из главных функций государства, оно просто обязано было сформировать институт профессиональных борцов с нарушителями законов.

В истории государственных органов, предназначенных для розыска преступников, совершивших уголовные преступления, XIX век является особым периодом. Именно в этом столетии произошёл переход от старых, архаичных методов расследования преступлений к существующей и поныне системе сбора улик и их интерпретации для судебного разбирательства. Достижения науки, поставленные на службу уголовному розыску, стали играть решающую роль в уличении преступников. Достаточно назвать дактилоскопию, фотографию, химические анализы. Сейчас трудно поверить, но всего каких-то полтора сотни лет назад криминалисты не могли достоверно отличить следы крови животных от человеческой. Подозрительные бурые пятна, обнаруженные на одежде или в жилище подозреваемого, полицейские следователи, как правило, считали веской уликой в пользу обвинения.

Важные изменения произошли и в структурной организации сыска в России. В русле социально-экономических реформ середины XIX века произошла коренная перестройка полиции, что, в конечном итоге, привело к созданию специальных органов — сыскных отделений. Масштаб и характер этого нововведения говорит сам за себя: сложившаяся в то время система раскры-

* Елинский В. И. Становление и развитие уголовного сыска в России (X — нач. XX вв). М., 1997.; Мулукаев Р. С., Полубинский В. И. Сказ о сыске. // Советская милиция. 1990. № 1—12 и др.

тия уголовных преступлений в своей основе существует и по нынешний день.

Сущность преобразований отчетливо видна при простом сравнении методов работы органов полиции до 60-х годов XIX века и после этого рубежа. Но прежде чем перейти к разговору о них, рассмотрим, говоря языком философии, объект приложения сил полиции – преступный мир Москвы позапрошлого столетия. Упоминание о его неоднородности и имевшихся в нём градациях содержит фельетон, опубликованный в газете “Современные известия” в 1881 году:

– Громилы – это воры, занимающиеся *значительными кражами*.

– Почему же им дано особенное имя?

– Потому что все воры разделяются на разряды, и каждый разряд носит своё название, так как действует особенным образом. Громилы, например, не ходят воровать зря, а сначала получают все необходимые сведения о том доме, который хотят обокрасть, и тогда уже отправляются наверняка, да ещё с проводником.

– Откуда же они получают сведения?

– От “бродячих лиц”, так называемых *припевал*, которые занимаются только тем, что заводят знакомства с прислугой в богатых домах, от которой и узнают всю подноготную господ.

– Откуда ты знаешь всё это? – спросил Первый.

– От одного сыщика.

– Ну, а ещё что он тебе говорил? Какие ещё бывают воры?

– Ещё бывают *глухари, конокрады, скамеечники, поездушники, домушники, подпольники, голодушники, забирохи, форточники, карманники, жулики, ерши*.

– Фу, какая пропасть! Точно 14 классов наших чиновников! – воскликнул Первый. – Какого же рода кражами занимаются эти?

– Об этом сыщик мне не говорил; обещался сказать в следующий раз.

– Любопытно, любопытно было бы узнать. Он тебе не говорил, какие воры подвизались, например, в деле Золотой Ручки?

– Как же. Там участвовали одни только *карманники, забирохи и домушники*, то есть лица, действующие партиями в публичных местах, а большею частью – на железных дорогах и в номерах; впрочем, при случае они не прочь забраться в дом. Все они принадлежат к *1-му разряду воровской партии*, а перворазрядные еврей-воры большею частью франты, одевающиеся весьма прилично, для свободного входа в общественные места”.

Подробный разбор категорий преступников с соответствующими описаниями их деяний сделан М. М. Максимовым в романе “Московские тайны, рассказ сыщика”, впервые представленном на суд читателей в середине XIX века.

“Забирохи и громилы” охарактеризованы автором книги как “...самые опасные и решительные, потому что каждый из них действует отчаянно”. Преступник этой категории не разменивался на мелочи, а был нацелен исключительно на богатую добычу. Поэтому в грабеже он шёл напролом, относясь с полным пренебрежением к жизни своей жертвы.

“Снимая с вас шубу или отбирая вещи и деньги, он много толковать с вами не станет, – пояснял герой “Московских тайн”, – будете сопротивляться – хлопыстнет вас по голове или виску заложённой у него в рукавице гирькой, и концы в воду. Гирька эта называется у них закладкой, а если она привязана на ремне, то кистенем, которым он ударяет сзади на ходу. Удар этот такой силы, что пробивает даже воротник вашей одежды, если вы им были закрыты. Притом, как бы крепки вы ни были, при ловком ударе непременно покачнетесь, а, пожалуй, и свалитесь с ног, не успев позвать на помощь. Эти мошенники действуют в основном ночью или в позднее время; а вот где-нибудь на дороге за городом могут ограбить и днём”.

О характерной черте московской жизни 50-х годов XIX века – полной беззащитности перед грабителями ночного прохожего – упоминал в мемуарах Н. В. Давыдов: “Я хорошо помню, как иногда при наступившей темноте, но даже ещё не поздно вечером, с площади доносились крики: “Караул, грабят!” – и от нас более храбрые выбегали на площадь, а менее мужественные отворяли форточки и возможно внушительно и громко возглашали: “Идём!” Происходило это не на глухой окраине, а в центральной части города – на Сенной площади, примыкавшей к Страстному бульвару.

Гребёж, или “погромку”, по их собственному выражению, “забиорохи” всегда тщательно готовили. Чтобы наверняка компенсировать риск ценностью добычи, они скрупулезно собирали сведения о намеченной жертве. Если того требовали обстоятельства, грабители на время селились по соседству и внимательно изучали распорядок дня в интересующем их доме. Туда же при первой возможности подсылали сообщников в качестве лакея, дворника, кучера или горничной. “Засланный казачок” должен был выведать, где хранятся самые ценные вещи, как рано в доме ложатся спать, не страдает ли кто бессонницей. Впрочем, довольно часто нужные сведения грабители получали от словоохотливой прислуги или при ловких расспросах соседей, лавочников и булочников.

Только удостоверившись, что их ожидает богатая добыча, “забиорохи” отправлялись “на дело”. По словам Максимова, в их инструментарий входили следующие предметы: лом (“фомка”), кольцо (“серёжка”), верёвка (“нитка”), бурав (“отмычка”). И, конечно, гирька, она же “грушка”.

“У всех у них есть непременно или свои лошади, или сообщники-извозчики, – раскрывал литератор очередную “московскую тайну”, – пешком без лошадей они на кражи не пускаются; каждый из них находится в тесных связях с барышниками и лавочниками, торгующими большей частью при рынках, и людьми денежными; у последних есть свои портные, серебряных дел мастера и часовщики, у которых каждая украденная вещь в одну минуту ломается, распарывается, переделывается в иной вид и форму и сбывается евреям или увозится на ярмарки по городам.

Краденые же не переделанные вещи, если они очень ценны по форме своей и по значению, до времени хранятся в таких местах, где вам и в голову не придёт их отыскивать”.

Однажды воровская технология избавления от улики – немедленная ломка украденных вещей – стоила карьеры честолюбивому полицейскому чиновнику. Молодой человек, горя желанием отличиться по службе через раскрытие крупной кражи, договорился с двумя ворами украсть в некоем богатом доме дорогие часы. Хозяин дома занимал видное положение в обществе и обладал связями на самом высоком уровне. Наверняка он не оставил бы покровительством человека, вернувшего в дом столь ценную вещь.

На беду начинающего карьериста воры, похитившие часы, давно пользовались покровительством его старшего коллеги – следственного пристава Яковлева. Он-то и приказал жуликам не открывать заказчику место, куда они сбыли украденное. Лишь спустя несколько дней уже сам Яковлев представил часы разгневанному вельможе, но только полностью изломанные – мол, только в таком виде удалось изъять у преступников. Воры указали на молодого человека как на организатора. В результате ему пришлось с позором покинуть службу и заплатить огромные деньги за безнадежно испорченную дорогую вещь.

Кражи в жилищах москвичей совершали также “форточники”, “оконники” и “домушники”, но, в отличие от громил, они действовали без предварительной разведки, наудачу.

По характеристике М. М. Максимова, ряды “форточников” пополняли “. . . ловкие, проворные и неглупые мальчики из нищих или из беднейших семейств, а также избалованные родителями, распутные и отчаянные дети”, которых примечали опытные воры. Обученные взрослыми преступниками, дети проникали в квартиры через форточку и передавали поджидавшему на улице сообщнику (“вожатому”) все найденные ценные вещи. Кражи таким способом совершались только летом, так как действовал “форточник” в одной рубашке (чтобы протиснуться через самое узкое отверстие) и босиком – для бесшумного передвижения по комнатам. Непременным качеством юных воришек было умение ловко выкручиваться из сложных ситуаций. В “Московских тайнах” приведён такой случай:

“Как-то раз, забравшись на 2-й этаж, форточник попал в спальню холостого барина. Он повыкидывал на улицу лежавшее там платье, портмоне и ризы икон и тут увидел за кроватью спящего висящие на стене карманные золотые часы. Чтобы их достать, нужно было либо подставить стул, либо перелезть через самого барина. Форточник решил на последнее. В то самое время, когда он потянулся к часам, барин повернулся во сне на другой бок. Мальчишка вообразил, что он хочет схватить его за ноги, потерял равновесие и всем своим телом упал на господина. Тот спросонья страшно испугался, спрятал голо-

ву под одеяло и начал изо всей мочи кричать: “Батюшки, воры! Режут, душат, спасите, спасите! Люди, люди!..” Мальчишка бросился было к окну, чтобы спуститься по верёвке, но второпях выпустил её из рук. Тогда он забрался под кровать барина и спрятался там за стоявшей в углу плетёной корзиной с какими-то бумагами.

Вбежавшие на крик люди едва смогли привести в чувство и успокоить своего барина. Потом осмотрели всё в комнате, но ничего не нашли. Решили, что воры ушли, вероятно, в открытое окно, потому что на улице дворник обнаружил верёвку с крючком.

Наутро барин ушёл из дома, слуга стал убирать в комнате, а мальчишка в это время крестился, думая только о своём освобождении. Он решил остаться под кроватью до тех пор, пока не представится возможность убежать.

Убрав комнату, слуга растворил окно и, увидав на улице какого-то сапожника Семёна, разговорился с ним о починке сапог для барина. Потом он напросился с Семёном в трактир и ушёл.

Мальчишка-форточник, не теряя времени, вылез из-под кровати, взял под мышку чьи-то стоявшие тут сапоги и вышел с ними через парадную дверь никем не замеченный.

Вы спросите меня, зачем же он взял сапоги?

А вот зачем. Если бы его кто-нибудь увидел выходящим из двери на улицу и остановил, он бы сказал, что сапоги ему дал камердинер и велел отнести к сапожнику Семёну, у которого он живёт в учениках”.

По дерзости в совершении преступлений “форточникам” не было равных. Так, в марте 1870 года воры залезли в квартиру начальника Московского губернского жандармского управления (!) генерала И. Л. Слёзкина. Их не испугало, что рядом с домом, где жил генерал, располагались казармы дивизиона конных жандармов и Сретенский полицейский дом. В самой же квартире в момент кражи находились жена генерала, его вестовой и два унтер-офицера. Правда, генеральша, ожидавшая возвращения мужа в кабинете, думала, что шум в гостиной, где орудовали воры, производит прислуга. А жандармы находились в передней и, в свою очередь, полагали, что по комнатам ходит хозяйка дома. В результате из квартиры генерала были вынесены канделябры, столовые часы и несколько ценных ваз.

Отличие от “форточников”, “домушники” попадали в квартиры москвичей через двери. Эти преступники действовали среди белого дня и целыми группами. Одни отвлекали прислугу, другие, пользуясь моментом, тащили всё, что успевали схватить: верхнюю одежду, предметы интерьера, ценные мелочи. Как-то раз невольным очевидцем действий “домушника” стал немецкий географ Коль, о чём он упомянул в записках о своём путешествии в Россию:

“Незадолго перед тем как покинуть Москву, мне посчастливилось поймать вора, который пытался меня обокрасть совершенно по-русски. Устав от ходьбы, я прилёг на свою софу за раскладной ширмой, чтобы ненадолго предаться покою, и вдруг услышал, как кто-то вошёл в мою комнату и занялся моими вещами, по-видимому, не подозревая в комнате, кроме себя, ни одной живой души. Я воскликнул: “Кто там?” Ответ был: “Я!” Мерзавец хотел убедить меня в том, что он был моим камердинером. Когда же я, взглянув из-за ширмы, поближе разглядел это “я”, то увидел совсем другую личность, нежели моего слугу, тут же побросавшую поспешно собранное белое и с весьма озабоченным и смиренным видом закричавшую “Ах, простите, господин, простите, я перепутал!”. С совершенным изумлением вор взглянул на номер комнаты и, улыбаясь, сообщил: “Боже мой, я ошибся номером. Я думал, это двенадцатый номер, а теперь вижу, что это одиннадцатый”. Разумеется, я не мог доказать его вины и потому отпустил, предупредив, чтобы в следующий раз он лучше смотрел на номера, но почёл своим долгом, ради других путешественников, обратить внимание хозяина на ненадежность зрения его слуги”.

Немецкому путешественнику ещё повезло. А вот, как сообщали газеты, у некоего подрядчика Л., постояльца гостиницы “Ярославль”, находившейся в 1870 году возле Сухаревой башни, воры украли около 150 тысяч рублей. И эта огромная сумма, казалось, была под надежным присмотром: товарищ подрядчика остался в номере, когда Л. отлучился по делам. Однако сторож, просматривая после обеда газету, задремал, чем и воспользовались ловкие “домушники”.

Судя по “Запискам”, для географа Коля это был единственный случай знакомства с русскими ворами. Тем не менее, немецкий ученый тут же сделал вывод:

“В целом, пожалуй, в России менее чем в какой-либо другой стране вам угрожают хорошо спланированные и продуманные кражи и грабежи. Но и нигде более нет такого множества воров по случаю, как здесь, нигде так часто не случаются попытки открыть замок или прихватить с собой то, что плохо лежало. Стащить что-то, стянуть украдкой, найти случайно что-то нужное и захватить с собою или одолжить что-то на неопределенное время, случайно забрести в чужую комнату, ошибиться номером двери – всё это здесь является обычным способом воровства, присущим даже самому добродушному поедателю огурцов, который, как правило, говорит о несомненно украденной вещи: “Бог послал”.

К таким искателям того, что “плохо лежит”, несомненно, относились “подпольники” – воры, уносившие добычу под полой своей одежды. Они орудовали чаще всего в торговых заведениях. В описании М. М. Максимова применявшийся ими метод выглядел так:

“Придут в лавку в обеденное время или в самый разгар торговли и начнут требовать разный товар, рассматривают его, бракуют, торгуются за такую цену, за которую нельзя отдать его, а между тем другие, стоящие позади этих покупателей, работают ловко и проворно: прячут товар себе под полу и уходят из лавки. Этого мало: являются с женами, будто приезжие из разных губерний, торгуют товар партиями и до того прельщают купца значительной покупкой, что тот и не приметит, как у него утащат с прилавка или дорогой воротник, или кусок материи. А то, пожалуй, явится госпожа с многочисленным семейством, в сопровождении ливрейного лакея и начнет копаться в выложенном товаре. Тут работают все, от лакея до самой барыни, и купец должен смотреть в оба. В этот класс мошенников входят люди разного звания, большей частью промотавшие свое состояние распутной жизнью”.

Как ни странно, но порой некоторые московские “барыни” не считали зазорным спрятать под полой одежды какую-нибудь приглянувшуюся вещь. Случалось это во время так называемых “дешёвок” (распродаж, говоря современным языком), традиционно проходивших в Москве во вторую неделю после Пасхи. Толчеей во время “дешёвок” успешно пользовались и профессионалы-карманники (они же “жулики”, они же “ерши” – по воровской терминологии тех лет).

“Их так называют по роду их промысла, – писал о “ершах” М. Максимов. – Они таскают из карманов вещи, деньги и платки наудачу. Видя вас порядочно одетым, они тотчас окружают вас компанией и жмутся к вам, что делается большей частью в тесноте, но редко в безлюдном месте, разве только заметят кого-нибудь пьяного или невнимательного прохожего. У барыни какой-нибудь они отрежут ридикюль или карман – при них всегда есть маленькие английские ножницы. Ими же они нередко перекусывают у часов цепочки, снимают с руки браслет и больше уже ни на какие проделки не решаются. В этом классе много женщин, девок, девочек и мальчиков. Одни из них бродят по улицам, рынкам, гуляньям, бывают в церквях во время похорон, свадеб и церковных праздников; другие таскаются по кабакам, пивным, харчевням и вообще везде, где только есть какая-нибудь возможность поживиться. В прежнее время у них были свои условные знаки и слова; но теперь это почти вывелось. Так, например, притыривай на их языке значит – сжимай, подсобляй; стрёма – смотрят, наблюдают; трёкнулся – сорвался, спохватился или почувствовал”.

До начала 60-х годов XIX века воры, попавшиеся с поличным, тут же получали наказание в виде “общественных работ”. По воспоминаниям Е. И. Козлининой, уличенным в воровстве вручали мётлы без различия пола, и они были вынуждены подметать мостовую перед лавкой или магазином, где попались:

“Таких метельщиков особенно много скоплялось в праздничные дни, когда обыватели толпами осаждали торговые заведения; тогда между ними шныряли воры-мужчины и женщины, иногда шикарно одетые, и вот эти-то франты и шикарные дамы с мётлами в руках и крестами, намеленными на спинах дорогих бурнусов, под которыми они прятали украденный товар, особенно вызывали остроты и шутки простолоюдинов. Вокруг них устраивалось целое гулянье, и это всенародное позорище обыкновенно длилось до сумерек, с наступлением которых воров, если их в одном месте оказывалось несколько, за руки свя-

звали вместе одной верёвкой, за конец которой держался городской и вёл их в часть. Там они ночевали тоже в кутузках, а наутро им снова давали метлы, и они уже мели мостовую у казённых учреждений данной части, а по окончании этой работы заносились в списки воров и отпускались по домам”.

Что касается конокрадства, то во второй половине 50-х годов XIX века московская полиция фиксировала ежегодно примерно 70 случаев. Как правило, потерпевшие лишались своей собственности навсегда. Сложность раскрытия такого рода преступлений объяснялась тем, что похитители лошадей (“скамеек” на воровском жаргоне, поэтому самоназвание этих воров — “скамеечники”) действовали в одиночку. Завладев добычей, конокрад немедленно сбывал ее: хорошего коня отводил к барышнику, клячу — живодёру. Те, в свою очередь, также не мешкали. Лошадей переправляли либо в другие города, либо в подмосковные деревни на постоя к надёжным мужикам, а никуда не годных забивали и утилизировали.

Автор “Московских тайн” оценивал конокрадов невысоко: “Народ этот самый жалкий. Бродит он, иногда по целым дням не евши, в торговые дни по рынкам, близ застав и по дорогам, а не в торговые — около трактиров, кабаков и других торговых заведений, высматривая пьяного мужика или извозчика, кучера-ротозея, забившегося куда-нибудь погреться или попить чайку. У некоторых из них имеется дурман, настоянный в вине, которым они опаивают оплошавшего. [...] Но воровство скамеечника скорее случайное, нежели обдуманное, ибо ему редко случается увести лошадь из конюшни, разве кучер-мошенник согласится помочь ему в этом. Этот класс мошенников состоит большей частью из негодных кучеров, работников и мужиков, с малолетства приученных к этому промыслу. Из цыган редко кто ввязывается в это дело, потому что каждый из них и без того вознаграждается деньгами от самих скамеечников и барышников за ловкость и хлопоты при продаже лошадей”.

На самой низшей ступени среди московских воров стояли так называемые “поездушники”. Их специальностью было похищение чемоданов из экипажей или тюков с товарами с возов. Пользуясь ночной темнотой, “поездушники” вскакивали на запятки колясок и подрезали ремни или веревки, которыми были закреплены дорожные сундуки. После этого им оставалось лишь бежать за экипажем, дожидаясь момента, когда от тряски вещи сами упадут на дорогу.

“Этот разряд мошенников, — сообщал М. Максимов, — состоит из людей, привыкших терпеливо переносить всякие крайности. Они не ропщут, если промокнут до костей, если по колено в грязи, если негде ночевать. Украденная ими вещь тотчас же сбывается за что попало барышнику или знакомому лавочнику, который охотно покупает краденые вещи. Лавочки подобного рода имеют большей частью табачные, мелочные, полпивные лавки или торгуют железом и разным старьём”.

И последний штрих к картине преступного мира дореформенной Москвы: его социальный состав. По статистике, большую часть правонарушителей составляло так называемое “простонародье”. В 1857 году, например, с полицией имели дело 429 мещан и “цеховых” (фабричных рабочих), 492 бывших помещичьих крестьянина, 286 государственных крестьян и 178 “воинских чинов”. В то же время в управе благочиния пришлось держать ответ 53 дворянам и 91 выходцу из купеческого сословия.

Понятно, что полицейскому офицеру, которому приходилось вести расследование, было более чем затруднительно “ходить в народ” для сбора информации и выслеживания преступников. В лучшем случае, его просто сторонились, в худшем — он мог пострадать физически. В таких условиях у следователя было два пути: либо, совершая вылазки “на дно”, умело маскироваться под простолыдина, либо иметь в подчинении агентов из числа уголовников, которые снабжали его необходимыми сведениями.

По воспоминаниям современников, оба этих метода умело сочетал в работе следственный пристав Г. Я. Яковлев, служивший в московской полиции в первой четверти XIX века. Несмотря на высокие чины*, он не гнушался лично выслеживать преступников по самым грязным притонам и кабакам. Для изменения облика Яковлев использовал элементы театрального грима, по-разному наряжался: купцом, мещанином, ремесленником и даже нищим.

* Яковлев умер от холеры в 1831 году в чине коллежского советника, что согласно Табели о рангах соответствовало армейскому полковнику.

“В средних своих летах он был довольно силён, — писал о Яковлеве один из его сослуживцев Л. И. Халютин, — и нередко, встречая отыскиваемого им или подозрительного человека, неустрашимо бросался на него один, связывал его и отводил под стражу. Но бывало довольно и таких случаев, что и на его долю доставались порядочные побои, укладывавшие его в постель на несколько дней и даже недель. В таких обстоятельствах он имел обыкновение натирать свои оконтуженные члены хлебным вином, которому он отдавал преимущество пред всеми другими наружными и внутренними медицинскими средствами от всех человеческих недугов. Несколько раз он спасался от неизбежной, по-видимому, смерти при действиях своих по сыскной части только по особенному счастью, не оставлявшему его в продолжение всей его жизни”.

Знарок старой Москвы И. К. Кондратьев сделал сыщика Яковлева персонажем исторического романа “Драма на Лубянке”. По мнению писателя, прототип его литературного героя, кроме прочих достоинств, был в избытке наделён личной храбростью:

“Обладая необыкновенной силой, смелый, дерзкий, находчивый, Яковлев, нередко фискальничая, решался и на более бесшабашные поступки. Особенно много попадался он в неприятное положение, посещая Разгуляй. Разгуляем и по настоящее время в Москве называется местность, где находится вторая гимназия. Громадный дом, в котором помещается теперь гимназия, принадлежал тогда графу А. И. Мусину-Пушкину. Наискось от этого дома находился известный всем гулякам того времени трактир. Кому хотелось погулять втихомолку, негласно, особенно из купеческих детей, те вечером, заперев свои лавки и собравшись веселой компанией, человек пятьдесят, катили на Разгуляй, в упомянутый трактир, как в отдалённый угол Москвы, где их другие посетители не знали. Там всё было к их услугам: и отдельные комнаты, уютные, таинственные, и часы с курантами, считавшиеся тогда за редкость, и цыганки-ворожеи, и цыганки-солистки, и хор певцов, и гуслисты, и торбанисты*, и миловидные прелестницы для известных целей, — словом, всё, что только требуется буйством, удалью и расточительностью русского разгулявшегося человека. При таких случаях окна трактира запирались ставнями или закрывались тяжёлыми шторами, и гуляки пировали там от зари до зари. Не одна молодежь проводила там подобные вечера и ночи. Тайком от жён “закатывались” туда и сами почтенные купцы, вследствие чего часто происходили там вовсе неожиданные встречи отцов с детьми, хозяев с приказчиками, приказчиков с “молодцами”.

Очень естественно, что Яковлев как сыщик не мог упустить такого заведения из виду. Он делал туда частые набеги по ночам, переодевшись, и редко случалось, чтобы он там не напал на какой-нибудь след преступления; зато часто случалось, что он должен был отбиваться от целой толпы преследователей, которые не щадили сыщика. Больно доставалось Яковлеву, но доставалось и тем, кто с ним связывался. Достоинно внимания, что на подобные рискованные экскурсии он всегда отправлялся один и, когда начиналась расправа, прямо говорил, кто он такой, засучивал рукава и без шума, без крика вступал часто в далеко не равную борьбу”.

В романе “Драма на Лубянке” сыщик Яковлев боролся с кознями французских шпионов, посланных Наполеоном в Москву накануне вторжения в Россию. При отсутствии документальных данных, трудно сказать, насколько вымысел литератора соответствует реально случившимся событиям. Зато, по сведениям из других источников, бесспорно можно утверждать, что Яковлев действительно был грозой преступного мира.

Слава его была столь велика, что самые закоренелые преступники трепетали от одного упоминания имени знаменитого сыщика. Пристав Л. И. Халютин был очевидцем весьма характерного случая: на допросе у обер-полицмейстера некий молодец богатырского сложения упорно не признавался в содеянном. Но стоило в кабинет войти Яковлеву, как подследственный из дерзкого упрямяца мгновенно превратился в напуганного ребёнка. Упав на колени и моля не отдавать его в руки сыщика, детина принялся взахлёб рассказывать о своих преступлениях.

Такое поведение преступника объясняется весьма просто: Яковлев был известен как следователь, который добивался “чистосердечного сознания”

* Музыканты, игравшие на торбане — инструменте, похожем на бандуру.

от любого, кто попадал ему в руки. “Закон о не делании пристрастных допросов и истязаний при следствиях существовал и тогда, – раскрывал Л. И. Халютин секрет успехов коллеги, – но Яковлев действовал так, как будто этого закона совсем не было, и до того времени начальство смотрело на это как-то сквозь пальцы. [...] Самые упорные и сильные телосложением, подозреваемые в преступлении люди редко могли долго выносить грозные увещевания Яковлева и, наконец, чистосердечно сознавались в сделанных ими преступлениях, открывали своих соучастников и места, куда скрывали похищенное или награбленное”.

Современник знаменитого сыщика, М. А. Дмитриев, служивший одно время судьёй по уголовным делам, приводил в воспоминаниях свидетельство женщины, снимавшей мезонин в доме Яковлева: “. . . в его доме был целый арсенал орудий пытки, и всякий день происходили в нижних комнатах крики и вопли его жертв, так что она принуждена была съехать с квартиры из его дома”.

Другой мемуарист, Л. И. Халютин, хорошо знавший реалии полицейской службы, указывал ещё на одну особенность следственной деятельности Яковлева:

“К несчастью, бывало много и таких примеров, что невинно подозреваемые сознавались в тех преступлениях, к которым они не были причастны. Впоследствии иногда обнаруживаемы были настоящие виновники тех преступлений, совершение которых приняли на себя невинные, при допросе их Яковлевым. Но по негласности нашего судопроизводства это было известно только канцеляриям в судах и не порождало никаких неприятных последствий для сыщика. Многие из таких несчастных, на которых падали неосновательные подозрения в преступлении, побывав на допросах Яковлева, во всю свою остальную жизнь носили знаки увечья или преждевременно отправлялись на вечный покой. Представляемые в судебные места преступники часто при передопросах в суде жаловались на деланные им Яковлевым при следствиях истязания. Суды или вовсе не принимали таких жалоб, или признавали их не заслуживающими доверия, а изредка относились в полицию о произведении по таким жалобам исследований; но никогда не отыскивалось достаточных юридических доказательств к обвинению Яковлева”.

Впрочем, судя по отзывам современников, среди московских полицейских дореформенного времени Г. Я. Яковлев отличался лишь тем, что не знал пределов в применении к подследственным “особых” методов воздействия. Его коллеги, хотя и не достигли столь же высокой степени известности, но тоже работали не покладая рук, добиваясь (вернее, выбивая) “чистосердечного” признания. Благо основой уголовного следствия, по свидетельству М. А. Дмитриева, считался допрос, а сборник законов о его ведении уже одним названием – “Собственное признание есть лучшее доказательство всего света” – указывал следственным приставам главное направление их деятельности.

Прослужив несколько лет в суде по уголовным делам и постоянно имея дело с результатами полицейских расследований, М. А. Дмитриев до конца жизни утвердился в определённом мнении о стражах порядка:

“Всё зло нашего уголовного процесса лежит в следствии: не от того, чтобы правила следствия были дурны или недостаточны; но от исполнения, от невежества понятий и грубости чувства, от черноты людей, составляющих полицию, и тех агентов и помощников, которых она употребляет для своих целей! – Это – подонки общества, отребие человечества! – Сколько, например, ни было издано законов против пыток, они существуют! Сколько ни заботился князь Голицын, он не мог вывести русских привычек из русского процесса! – С одной стороны, таковы следователи, что не умеют без них обходиться, с другой – таков и русский простолудин, что нейдёт ни на убеждение, ни на совесть, а понимает и уважает только силу! – Битьё по зубам, сечение, содержание в угарной комнате, кормление одними солёными сельдями без утоления жажды – это дело обыкновенное! – Без этого у нас не обходится ни одно полицейское следствие; без этого не делается никакого открытия по уголовному следствию!”

К перечню полицейских методов “добывания истины” можно добавить ещё “басманные могилы” – семь настоящих темниц в подвале Басманного частного дома. В них местный пристав сажал тех, кто упорствовал в нежелании признать свою вину. “Один из таких подсудимых, почётный гражданин Сонов, –

свидетельствовал бывший прокурор Д. А. Ровинский, — по выходе из одной из Басманных могил (называвшейся у арестантов Аскольдовой) на свет Божий, совершенно ослеп”.

Само собой разумеется, прежде чем выбивать признания из подозреваемых, следственному приставу необходимо было заполучить преступника. Выслеживание по притонам и кабакам с помощью переодевания в рубища и подвязывания бороды не было распространено среди офицеров полиции. В этом отношении Г. Я. Яковлев был скорее исключением. Да и сам он совершал вылазки “в народ” больше из личного интереса, либо по острой необходимости.

Основную часть информации о преступниках сыщик Яковлев и его коллеги получали от “ищеек” — так называли представителей криминального мира, помогавших полицейским. Между стражами порядка и этой категорией воров существовало “джентльменское” соглашение: на мелкие делишки жуликов полиция смотрела сквозь пальцы; в случае же крупных краж или когда начальство непременно требовало отыскать похищенное — “ищейки” должны были выдавать своих товарищей с потрохами. Нередко они это делали и по собственной инициативе: когда их доля добычи была слишком мала, вступало в силу соображение лишний раз угодить начальству.

Симбиоз полиции и преступников, существовавший в дореформенной Москве, отмечали многие из современников. Мемуаристка Е. И. Козлинина, например, писала о полицейских агентах из числа уголовников:

“В каждом квартале среди обывателей были, конечно, люди подозрительные; среди них обыкновенно намечался человек поспособнее; ему делались кое-какие поблажки, а он за это платил услугами по сыску.

Обыкновенно такой агент, вращаясь в ночлежках, всегда был хорошо осведомлен, где совершено преступление, кем совершено и куда сбыты плоды его.

Когда являлась необходимость что-нибудь разыскать, его призывали в квартал на совет, и если сам он не был заинтересован в сокрытии этого преступления, то он иногда прямо, иногда намёками наводил полицию на след.

И такому агенту верили безусловно; если он говорил “не знаю”, его уже больше не расспрашивали, зная, что он или не может или не хочет сказать. Если же он говорил, что вещи увезли туда-то, полиция беспрекословно туда отправлялась, зная, что вещи несомненно там, где указано”.

В “Колоколе” А. И. Герцена упомянут такой интересный факт: московский обер-полицмейстер приказал, чтобы в первопрестольной во время коронации Александра II не было ни одного преступления. И действительно — за все три дня торжеств не случилось ни единого происшествия!

Другой литератор, пожелавший остаться неизвестным, отразил близкие отношения между полицейскими и ворами в сценке, которую “подсмотрел” в кабинете какого-то начальника:

“Очень просторная и грязная комната. Подле одной стены, прорезанной тремя окнами, два стола, докрытые изорванным толстым зелёным сукном; на столах книги, бумаги, чернильницы и перья. Перед столами — кожаные кресла. Прочие стены голые, с масляными пятнами, являющими следы прислоняющихся посетителей. Воздух в комнате сырой и тяжёлый неопределённого запаха, в котором однако же преобладает букет начищенных сапог и махорки. [...]

Начальник сидит у стола и держит в одной руке перо, готовый подписать бумагу. Николашка стоит шагах в трёх, прислонившись к стене из опасения потерять равновесие.

НАЧАЛЬНИК. Пошёл вон, пьяница!

НИКОЛАШКА. Помилуйте, ваше высокоблагородие, да ведь это просто грабёж!

НАЧАЛЬНИК. Говорят тебе, пошёл вон!

НИКОЛАШКА. Денной грабёж!.. Воля ваша... вы... тово... вы меня с Семичкиным рассудите.

НАЧАЛЬНИК. Стану я с пьяным разговаривать. Проспись, тогда увидим.

НИКОЛАШКА. Нет... ведь это просто грабёж!.. Как!.. Приношу я это разбойнику восемнадцать часов... а!.. восемнадцать... Срезал в какие-нибудь три дня... а!.. Он был это оценил, разбойник!.. Да не в соборе на гулянье, а то так себе, где попало. “На тебе, говорит, три целковых”. Да есть ли в нём после того Бог?.. а!.. Да это грабёж, ваше высокоблагородие; защитите!..”

Начальник приказывает запереть надоевшего ему Николашку в камеру —

до протрезвления. Но вскоре в кабинете появляется скупщик краденого Семичкин. Он тоже спешит высказать претензии:

“СЕМИЧКИН. Помилуйте, ваше высокоблагородие. Приходит ко мне это сегодня Николашка и говорит, что вы приказали ему за каждые часы по три рубля получить... Да ведь это просто грабёж!

НАЧАЛЬНИК. Ничего я ему не приказывал. Он был пьян, и я его выгнал. Я в ваши расчёты не мешаюсь. И ты-то напрасно прилез сюда.

СЕМИЧКИН. Помилуйте, ваше высокоблагородие! Ведь одна слава что часы. За иные-то и сам три рубля напросишься, а коли и есть получше, так сбывать-то до вашего приказа погодить придётся.

НАЧАЛЬНИК. Да, дня два нужно подождать циркуляров. Пожалуй, мошенник-то и у значительного лица подтибрил. Прикажут найти.

СЕМИЧКИН. Знамое дело, ваше высокоблагородие; за что же нас обижать-то? Отдай ему, вишь, по три рубля. Да это денной грабёж!

НАЧАЛЬНИК. Ну, мне некогда. Иди себе и вперёд ко мне с этими кляузами ни-ни! А то пугну по-своему.

СЕМИЧКИН. *(Кланяясь)* Счастливо оставаться, ваше высокоблагородие. *(В сторону)* Ну, пугать-то зачем? Сами пригодимся. *(Уходит)*

НАЧАЛЬНИК. *(Кладёт перо и после некоторого молчания громко рассуждает сам с собою.)* А ведь обидны, даже унижительны подобные сцены; но что же вы сделаете? Без этих мошенников служить нельзя. Вдруг обокрадут лицо значительное. Чтобы было, говорят, завтра же найдено! Ну, как же вы найдёте? Весь город, что ли, обыскать? А позовёшь эту братию и скажешь: “Вот то-то и то-то принесите! Не то искореню!” И принесут. Только спросят: в какое, дескать, время и где случилось, да кто из незнакомых в дом входил, не приносили ли спичек продавать, или на бедность не просили ли. Скажешь им, и уж без осечки. С другой стороны, попробуй прихватить их... Ничего из этого не выйдет. Себе не будешь видеть помощи, а они сухи из воды выйдут. На следствии один ответ: знать не знаю, ведать не ведаю. Свидетелей нет, и суд решит: оставить в подозрении. Сегодня его заподозрили, а завтра он опять украл и опять та же комедия. Мало ли их ловили? Да всех выпускали. Вот, помню, я одного поймал. Кучер ночью у дверей запертой конюшни; в руках у него долото. Привели в полицию.

– Ты, говорю, – воровать?

– Никак нет, ваше высокоблагородие, – у меня и паспорт со мной.

– Зачем же ты попал ночью на чужой двор и к конюшне?

– А за нуждой подошёл, ваше высокоблагородие. На улицах нечистоплотничать не велено, ну, и вошёл на двор.

Ну, и поди с ним! [...]

Вот как суды будут новые, да решать будут по совести – мошенники эти повыведутся. Конечно, и тогда выведутся не все, зато уж останутся одни мастера первой руки. Впрочем, и то сказать, за теми смотреть будет ещё труднее. Ну, да что будет, увидим. Хуже не будет”.

Что характерно, слова Начальника: “Вдруг обокрадут лицо значительное. Чтобы было, говорят, завтра же найдено!” – вовсе не плод фантазии автора сценки. Одним из подтверждений служит ставшая хрестоматийной история, случившаяся с министром внутренних дел А. Е. Тимашёвым.

По воспоминаниям А. И. Соколовой, опубликованным в “Историческом вестнике”, неприятность случилась с министром во время посещения им кремлевских святынь: “Тимашёв, очень богомольный, отправился на другой день после своего приезда к обедне в Успенский собор и, вернувшись домой, не нашёл в своем кармане ни кошелька, ни портфеля, в котором были нужные записки, ни портсигара, особенно дорогого тем, что он был подарен ему высокопоставленным лицом, вниманием которого министр глубоко дорожил.

Генерал-губернатор князь Долгоруков и обер-полицейстер граф Крейц, получившие от министра, кроме разноса, ещё и приказ немедленно отыскать похищенное, были в полном отчаянии. Хорошо, кто-то из чиновников надумил послать за приставом Хотинским, главным знатоком преступного мира Москвы.

Поворчав немного: “Не угодно ли?... Набить себе карманы такими вещами и в Успенский собор к обедне отправиться!.. Словно дитё малое, неразумное...” – Хотинский прямоком отправился в подмосковную деревню Большие Котлы, всё население которой, по его сведениям, кормилось кражами

в Москве. Энергичная речь, произнесённая приставом перед воровским обществом, возымела нужное действие. Через два часа на квартиру Хотинскому были доставлены портсигар, кошелек и портфель (правда, без бумаг, выброшенных ворами за ненадобностью).

Получив свои вещи, Тимашёв не жалел похвал в адрес московских сыщиков и объявил, что "... ни о чём подобном не имеют понятия даже в Лондоне, где сыскная полиция поставлена на чрезвычайную высоту".

В рассказе А. И. Соколовой есть одна неточность: граф Крейц оставил должность московского обер-полицмейстера за два года до назначения А. Е. Тимашёва министром внутренних дел. А те годы, когда Александр Егорович руководил МВД, московскую полицию возглавлял Н. У. Арапов.

Именно генерал Арапов в 1868 году подготовил проект преобразования московской полиции, которым, по примеру Санкт-Петербурга, предусматривалось создание специального подразделения – сыскной полиции. К этому времени в результате судебной реформы 1864 года из ведения полиции были окончательно изъяты судебно-следственные функции.

Однако реорганизация Московской городской полиции затянулась на долгие годы, и только 5 мая 1881 года был принят соответствующий документ. По новому Положению, утверждённому Александром II, в структуре правоохранительных органов Москвы появился особый отдел для производства розысков и раскрытия преступлений – сыскная полиция. Главная задача её деятельности была сформулирована так: "Следуя неутомимо и безгласно за всеми нитями происшествий, изыскивая связь их с другими событиями, сводя, наконец, вместе и соображая добытые отовсюду данные", она должна была "иметь за собою наибольшие ручательства в успехе дела"*.

Несмотря на такое напутствие императора, становление московской сыскной полиции проходило не так уж гладко. В воспоминаниях А. И. Соколовой сказано, что начальник сыщиков Муравьёв и несколько его ближайших помощников по именному указу были без суда сосланы в Сибирь. А подвела борцов с преступностью жадность: вместо того чтобы вернуть потерпевшему деньги, отобранные у вора и довольствоваться скромным вознаграждением, полицейские присвоили себе всё.

Здесь необходимо пояснить, что в московской полиции с незапамятных времён существовала незыблемая традиция: сыщик, отыскавший краденое имущество и вернувший его владельцу, получал от ошачливленного потерпевшего солидную премию. Так, Г. Я. Яковлев, кроме повышений по службе и орденов, получил за свою деятельность множество перстней, табакерок, часов и денежных наград. Не менее знаменитый в свое время пристав Пречистенской части С. М. Поляков, занявшийся после выхода в отставку залогами под недвижимость, сразу же пустил в оборот 200 тысяч рублей. Вдвое больший капитал оказался в распоряжении другого пристава – Шидловского.

Но если пристав Поляков добился материального достатка своими талантами и при этом, по свидетельству А. И. Соколовой, остался в памяти москвичей как человек, "никогда не накликавший на себя не только обывательских жалоб или упрёков, но даже и простых нареканий", то Муравьёв со товарищи использовали для обогащения служебное положение.

А разоблачены были сыщики-лихоимцы в результате истории с деньгами чиновника Николаева. Он вез в банк 20 000 руб., но по дороге в вагоне конки был обворован. Несколько дней спустя чиновника вызвали в сыскную полицию, где предъявили задержанного вора и целехоньки двадцать тысяч. Начальник сыскной полиции Муравьёв как бы между делом поинтересовался у Николаева, сколько он готов заплатить за розыск? Тот по простоте душевной ответил, что не видит смысла искать уже найденные деньги, а сумму законного вознаграждения внесёт в казну в размере, указанном судом. После этих слов Муравьёв под предлогом соблюдения некоторых формальностей запер деньги в свой стол, а задержанного жулика приказал отвести в камеру при сыском отделении. На следующий день Николаеву сообщили, что вор каким-то непостижимым способом бежал и вместе с ним из стола начальника пропали деньги.

* Цит. по: Колдаев В. М. Из истории практической криминалистики в России. Применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений. Факты, документы, комментарии. М., 2005. С. 27.

Этот случай так бы и канул в Лету, если бы кроме дважды обворованного чиновника не нашёлся ещё один обиженный. Им оказался некто Соколов, занимавшийся тёмными делишками и попутно сотрудничавший с полицией. Наведя сыщиков на вора, укравшего деньги у чиновника, он рассчитывал на вознаграждение, но ничего не получил. Муравьёв разделил 20 тысяч между своими ближайшими сослуживцами, не забыв, естественно, и себя. Тогда Соколов отправил в адрес высокого начальства прошение о восстановлении справедливости, в котором подробно описал механизм присвоения сыщиками денег Николаева. То ли донос попал в руки недругов Муравьёва, то ли назначенная проверка выявила у сотрудников сыскальной полиции более серьёзные прегрешения, но результат был один: принудительное перемещение бывших борцов с преступностью на жительство в Сибирь.

Впрочем, на освободившиеся “хлебные” места тут же нашлось много желающих. Ради материальных выгод, сопутствовавших службе в сыскальной полиции, некоторые жертвовали престижем. Об одном из таких случаев упоминала в мемуарах А. И. Соколова: успешно делавший карьеру чиновник судебного ведомства Реутский неожиданно для всех подался в сыщики. На прощальном обеде он “с горем и смущением” признался бывшим сослуживцам, что “...на подобный шаг подвигла его единственно невозможность жить и воспитывать детей при сравнительной ограниченности содержания, ассигнуемого судебным следователям”.

Надо полагать, именно огромная разница в доходах породила определённый антагонизм между сотрудниками сыскальной и наружной полиции. По этому поводу московскому обер-полицмейстеру Е. К. Юрковскому пришлось в сентябре 1888 года сделать подчинённым строгое отеческое внушение:

“В виду моём имеются случаи, в которых чины наружной полиции не только не содействовали сыскальной полиции в розысках её по уголовным делам, но выказывали даже пренебрежение к её требованиям по этому предмету и открытое несочувствие её деятельности.

Не говоря о том, что сыскальная полиция составляет органическую часть учреждения общей полиции, самая сущность деятельности её составляет такой отдел полицейских обязанностей, который непосредственно служит задачам общей полиции по охранению общественной безопасности и порядка, почему пренебрежение или бездействие в отношении к ней со стороны чинов наружной полиции, не согласуясь с целью прямых их охранительных обязанностей, не могут быть оправдываемы и указывают лишь на непонимание полицейскими чинами требований закона от полиции.

Ввиду этого и принимая во внимание, что на гг. участковых приставах лежит главная обязанность как в непосредственном содействии сыскальной полиции, так и в руководстве по этому предмету подведомственных им чинов, предлагаю гг. приставам оказывать сыскальной полиции во всех её розысках полное содействие как лично, так и через подчинённых лиц, внушив им относиться к этой обязанности с самым сочувственным усердием. Иначе я найду вынужденным прибегать к мерам строгого взыскания”.

Проблема больших денег, которые сыщики получали от потерпевших на розыск и в качестве благодарности, оставалась неразрешимой долгое время. При решении этого щепетильного вопроса всё зависело от личных качеств начальника сыскального отделения. Например, А. Ф. Кошко, возглавляя Московскую сыскальную полицию, разрешал подчинённым получать “премии” за успешные действия, но в определённых рамках. Характерным примером может служить случай избавления одной московской миллионерши от шантажа. Кошко писал в воспоминаниях, что женщина, обрадованная благополучным исходом дела, готова была вручить сыщикам десятки тысяч рублей. Чтобы не развращать подчинённых лёгкими деньгами, начальник сыскальной полиции согласился только на пять тысяч.

Официальная позиция МВД в отношении дилеммы “брать или не брать” была сформулирована лишь в 1913 году на Особом совещании для рассмотрения вопроса о мероприятиях по борьбе с преступностью, упорядочению уголовного сыска и развитию планомерности его организации. После многих споров – сторонники приёма вознаграждения указывали на Англию и Францию, где это практиковалось с разрешения начальства, – большинство участников совещания признало, что в российских условиях брать деньги с обывателей, обратившихся в полицию за помощью, недопустимо.

Итоги первых двадцати лет работы московских сыщиков были подведены В. И. Лебедевым* в объяснительной записке, приложенной к проекту обер-полицейстера Д. Ф. Трёпова “Об увеличении штата Московской сысской полиции”. Приступая к изложению ключевых моментов записки Лебедева, исследователь истории российской криминалистики В. М. Колдаев писал: “С начала создания сысская полиция работала достаточно успешно, раскрывала отдельные сложные преступления и тем самым поднимала свой престиж у жителей города”**.

На основании своего опыта В. И. Лебедев утверждал, что главным подспорьем в работе сыщиков является архив, в котором собраны описания уголовных преступлений и материалы проведённых по ним расследований. Все эти данные должны быть систематизированы таким образом, чтобы сотрудники сысской полиции, в первую очередь, новички легко могли получить нужную справку. Самому Лебедеву от предшественников досталась лишь сваленная в кучу гора бумаг. Дела за период с 1891 по 1900 год вообще оказались без документов – одни пустые обложки. При Лебедеве архив сысской полиции фактически был создан заново: под него были отведены три комнаты, в которых установили специальные шкафы.

Также должным образом был реорганизован отдел регистрации преступников, так называемый “Стол о судимостях”. Через него проходили задержанные за совершение преступлений и бродяги, личности которых необходимо было установить. Существовал специальный приказ по московской полиции, которым отделу идентификации криминальных элементов отводилась главная роль: “. . . в сысскую полицию следует доставлять безусловно всех задержанных по подозрению в кражах и других уголовных преступлениях, не отсылая в другие участки для удостоверения их звания и не позднее, как на следующий день по их задержании, так как многие рецидивисты, удостовераясь на чужое имя или предъявляя подложные паспорта, таким способом успевают избежать регистрации их в сысской полиции, полного обнаружения их преступной деятельности и грозящих им более тяжких наказаний. Прибегать же затем к пересылке таких заподозренных из участка в участок для удостоверения следует лишь в тех случаях, если лица эти сысской полиции не известны и по данным антропометрического отделения ею удостоверены быть не могли”.

Первоначально “Стол о судимостях” занимал две комнаты в здании сысской полиции. В одну из них через вход из Большого Гнездиковского переулочка приводили задержанных. Их по очереди вызывали к окну, устроенному в перегородке между комнатами, и сотрудники сысского отделения проводили опрос по поводу судимостей. Помещение было чрезвычайно грязным, в нем стоял постоянный шум. Задержанные в ожидании допроса располагались вповалку на полу.

В 1900 году для регистрации преступников было отведено другое помещение из трёх комнат, более тёплое и чистое. Стараниями В. И. Лебедева в практику “Стол о судимостях” были внедрены антропометрические измерения задержанных – так называемый “бертильонаж”. Суть этой системы, созданной в конце XIX века парижским врачом Альфонсом Бертильоном, заключалась в проведении измерений различных частей тела человека и записи результатов по определённой форме. Во время регистрации преступников в специальные карточки вносились результаты обмеров их роста (стоя и сидя), длины и ширины головы, длины среднего пальца и мизинца левой руки, левой ступни и подъёма, левого предплечья. На лице замеряли ширину скуловой кости, длину и ширину правого уха. По специальной таблице классифицировали цвет глаз.

Практика применения “бертильонажа” выявила ряд недостатков этой системы. Оказалось, что утверждение А. Бертильона о неизменности параметров человеческого тела в зрелом возрасте в некоторых случаях не находило подтверждения. Разница в измерениях могла наблюдаться из-за изменений частей тела в результате болезней или вследствие преклонного возраста человека. Бывало, причиной несовпадения данных являлась низкая квалификация сотрудников полиции, проводивших измерения.

* Возглавлял московскую сысскую полицию в 1901–1906 годах.

** Колдаев В. М. Указ. соч. С. 27.

Впрочем, к Москве это относилось в меньшей мере. В результате преобразований, проведённых В. М. Лебедевым, вместо “Стола судимостей” появилось “Справочное и измерительное отделение” (“стол приводов”), которым стал заведовать И. Е. Бояр. По отзыву А. Ф. Кошко, этот полицейский чиновник приобрёл после многих лет практики чуть ли не сверхъестественную прозорливость: “. . . окинет лишь беглым взглядом и почти безошибочно определяет профессию данного человека”.

В 1910 году по “столу приводов” было зарегистрировано 47 911 человек, из них в 777 случаях личности преступников удалось установить благодаря антропометрическим данным; “портретная галерея” сыскальной полиции пополнилась 20 252 фотографиями.

Фотографический отдел, кстати, существовал в Московской сыскальной полиции с самого начала. При Лебедеве была введена обязательная фотосъёмка всех задержанных, доставлявшихся в “стол приводов”, мест преступлений, убитых и неопознанных мёртвых тел. Это оказалось особенно полезным при розыске преступников, когда распоряжениями Министерства внутренних дел (от 29 декабря 1906 года и 9 апреля 1907 года) было создано Центральное регистрационное бюро Департамента полиции.

Сведения с мест поступали в него из регистрационных отделов (бюро), образованных в сыскальных подразделениях полиции. В “Инструкции чинам сыскальных отделений”, утверждённой МВД 10 августа 1910 года, указывалось, что “главную часть внутренней организации сыскального отделения составляет справочное регистрационное бюро”. Их работа строилась на применении фотографии, дактилоскопии (в Москве вошла в практику полиции в 1907 году) и антропометрических измерений.

Для облегчения учёта преступников стали регистрировать по категориям их деятельности: 1) “гастролёры”; 2) карманные воры; 3) воровки-проститутки; 4) простые воры; 5) воры по передним; 6) воры чердачные; 7) воры магазинные; 8) воры со взломом квартир и магазинов; 9) воры с употреблением обмана; 10) воры-прислуги; 11) воры железнодорожные; 12) воры велосипедные; 13) притоносодержатели; 14) скупщики краденого; 15) конокрады; 16) мошенники и аферисты; 17) грабители и разбойники; 18) подделыватели фальшивых денег; 19) поджигатели; 20) убийцы; 21) шулера-картёжники; 22) хулиганы и “коты”; 23) бродяги; 24) глухонемые; 25) ссыльные-каторжные; 26) соучастники преступлений; 27) барышники театральные; 28) хипесники, обкрадывающие мужчин, приводимых проститутками на квартиры; 29) подкидчики, обкрадывающие чаще всего приезжих провинциалов при помощи подкидывания на улице кошельков с деньгами или ценных колец; 30) “пушкари”*.

Стоит отметить, что в первопрестольной можно было встретить преступников всех указанных категорий. О некоторых из них, наводнявших город в 1914 году, писала газета “Голос Москвы”:

“В магазинах днём воруют изящные франты и франтихи с особо устроенными карманами в ротондах и шинелях. У ночных громил орудия взлома английских фабрик, стоящие огромных денег. Перед такими инструментами не устоит ни один железный шкаф. Воры разъезжают на гастролы из города в город. Среди таких гастролёров есть особый сорт карманников, носящих название “марвихеры”. Щегольски одетые, они совершают кражи компаниями, выкрадывая бумажники в банках, театрах, на вокзалах, на выставках, — словом, там, где бывает большое стечение зажиточной публики.

К этому же типу относятся “мойщики”. Это воры, обкрадывающие сонных пассажиров в поездах, особенно в отдельных купе. Эти франты заводят знакомство, угощают чем-нибудь наркотическим, и когда жертва уснет, разрезают карманы и обирают. Во время совершения кражи один ворует, а другой караулит. Обокрав, они соскакивают с поездов, иногда на ходу, а большую часть на станциях, где скрещиваются поезда.

Есть ещё “хипесники”. Это воры и воровки, обкрадывающие специально мужчин, увлекающихся встречами на улицах с женщинами, которые увлекают простаков в свои квартиры, а там их обирают”.

Большой наплыв последних — варшавских сутенёров с подопечными девицами — Москва пережила после революции 1905 года. Глядя на приезжих,

* Мулукаев Р. С., Епифанов А. Е., Чабан О. К. История отечественных органов внутренних дел в материалах их информационных подразделений: Учеб. пособие. Волгоград, 1997. С. 56.

активизировались московские “коты” с их “марухами”. В вечернее время на Тверском бульваре нельзя было протолкнуться среди крикливо одетых и раз-малеванных “дам”, предлагавших мужчинам “развеять скуку”. Одновременно полиция оказалась буквально завалена заявлениями от любителей приключе-ний: “ночные бабочки”, заманив их “на приличную квартиру”, опаивали дур-маном и, дочиста ограбив, выбрасывали в глухом переулке.

Кроме “хипеса”, варшавяне наладили поставки “живого товара” в публич-ные дома Европы. Через объявления в газетах они заманивали девушек, предлагая им поступить в хоры, отправлявшиеся на гастроли за границу, или стать гувернантками “с отъездом”. Только создав специальную группу аген-тов, сысской полиции удалось очистить Москву от этих международных пре-ступников.

Среди магазинных воров (“градушников”) незаурядными масштабами краж прославился некий Чуфнов. “На дело” он шёл, изображая богатого по-купателя, — в бобровой шапке и в николаевской шинели*, подбитой таким же дорогим мехом, в складках которого были спрятаны карманы и специальные крючки. Когда его арестовали, то в номере роскошной гостиницы, где он жил, сыщики обнаружили целый склад похищенных вещей: от ювелирных изделий, куска драпа, головы сахара до фонографа и даже бочонка (!) сельди.

Переполюх в городе вызвало появление некой “воровки-отравительницы”: “Из Москвы сообщают, что в доме Андриановой на Семёновской улице в квартиру А. П. Смирновой явилась незнакомая дама для найма сдающейся комнаты. Осмотрев комнату, нанимательница заявила, что комната ей нра-вится, и, вынув из портмоне 3 р., положила деньги на стол в виде задатка. В то же время незнакомка вынула из портсигара папиросу и закурила, напра-вив дым от папиросы на г-жу Смирнову.

Папироса оказалась отравленной. У Смирновой закружилась голова. Не-знакомка взяла из рук обессиленной Смирновой ключи. Открыла комод, вы-крала оттуда две государственные ренты по 2000 руб. каждая и забрала все золотые и серебряные вещи на несколько сот рублей. Затем открыла сундук, всё в нём перерыла, подожгла содержимое в сундуке в двух местах и скры-лась.

Начавшийся пожар заметили соседи и прекратили его. Они также приве-ли в сознание ограбленную Смирнову”.

О “барышниках театральных” (№ 27 по полицейской классификации), ко-торых в Москве называли “якупчиками” и “жужжалками”, в том же 1914 году газеты писали:

“Якупчики” — аристократия барышников. Они так называются по имени главного барышника.

“Жужжалки” — парии. Это те несчастные, которые дрогнут на морозе день и ночь и с таинственным видом предлагают проходящим мимо театра:

— Вам билетик на сегодня? Или на бенефис?

Они же стоят в очереди у кассы. Если тот, которому предлагают, враг ба-рышничества и вздумает позвать городского, чтобы отправить предлагавше-го в участок, то из этого ровно ничего не выйдет: при обыске у “жужжалки” никаких билетов не найдут.

Если же проходящий пожелает получить билет, то “жужжалка” ведёт его в Охотный ряд или куда-нибудь под ворота и просит ждать, а сам бежит в трактир “Лондон” и вызывает оттуда “якупчика”, приводит его под ворота, где и происходит продажа билета.

“Якупчик”, наживший сумму на продаже билета, даёт несколько копеек за комиссию “жужжалке”, который только этими грошами и питается.

Барышников в Москве более ста. Они почти все известны полиции, кото-рая, впрочем, ограничивается только составлением протоколов, передаю-щихся мировому судье Лубянского участка. Судья их штрафует крупно, но ба-рышникам штрафы нипочём:

— Недорого! — говорят и платят штрафы с огромных барышей.

“Жужжалки” отсиживают, но они попадают редко.

Недавно судили одного из крупных барышников за оскорбление городо-вого на посту. Мировой судья приговорил его к штрафу в 20 рублей. Барыш-ник тут же вынул толстый бумажник и спросил судью:

* Шинель широкого края с меховым воротником и несколькими пелеринами.

– Позвольте уплатить сейчас?

Но судья не принял штрафа, пока приговор не войдет в законную силу. А к этому времени “якупчик” наторгует сотни рублей и приготовит новый штраф.

Так благоденствуют в Москве театральные барышники”.

Интересно, что в 1910 году власти попытались ликвидировать спекуляцию театральными билетами раз и навсегда. Для этого были привлечены агенты сысской полиции. После трёх месяцев наблюдений они выявили всех “барышников” (около 50 человек) и вскрыли их систему конспирации. Полученные сведения позволили арестовать главаря спекулянтов – “клинского мещанина” Ш. У. Якубчика, носившего кличку “Король” и считавшего себя абсолютно неуязвимым. Во время обыска у него на квартире были обнаружены бумаги, из которых стало известно, что месячный доход главного “барышника” достигал порой свыше полутора тысяч рублей, а в год он “зарабатывал” 10–15 тысяч.

На суде выяснилось, что некоторые соратники Якубчика “кормились” возле касс Большого театра не один десяток лет. Кто-то из них уже по два, по три раза предстал перед мировым судьёй, но отделялся штрафами от 15 до 45 рублей. “Жужжалкам”, не имевшим средств для уплаты штрафов, приходилось отбывать арест. Посадку “в казённый дом” они оттягивали всеми правдами и неправдами до лета – до окончания театрального сезона.

Несмотря на операцию, блестяще проведенную сысской полицией, спекулянты продолжали своё малопочтенное, но доходное занятие. Кроме газетных публикаций, об этом свидетельствует изданный в начале 1914 года приказ градоначальника Адрианова. Для пресечения барышничества приставу 3-го участка Тверской части предписывалось “...назначать на дежурство под колонны Большого театра ежедневно облечённых наибольшим доверием начальства городских 1-го разряда”.

История с театральными барышниками служит примером того, как успешная работа сыщиков была сведена на нет объективными обстоятельствами. Повышенный спрос на билеты не мог не порождать спекуляцию. Гораздо хуже для общества, когда преступность процветает из-за субъективного фактора – забвения чинами полиции своего долга и в результате сращивания их с миром криминала.

В этом отношении показательной является деятельность начальника Московской сысской полиции Д. П. Моисеенко. Внешне это была обычная служба чиновника полиции. Не может не вызвать уважения тот факт, что она проходила в годы первой русской революции, когда жизни полицейских зачастую подвергались смертельной опасности*. Тем не менее, по распоряжению Моисеенко агенты сысской полиции совершали ежедневные обходы улиц, очищая город от криминальных элементов. По сообщению “Московского листка”, только за май 1906 года была задержана примерно тысяча подозрительных людей, среди которых удалось выявить около двухсот воров-рецидивистов и 792 нищих.

И всё было бы прекрасно, если бы однажды не открылась другая, “тёмная” сторона жизни начальника сысской полиции. Произошло это из-за того, что один из подчинённых Моисеенко, чиновник по особым поручениям В. М. Стефанов оказался не только талантливым следователем, но и честным человеком.

Службу в полиции Стефанов начинал, как теперь говорят, “на земле” – 13 лет был околоточным надзирателем. Когда он перешёл в сыское отделение, в его формуляре значилось 40 благодарностей и несколько высочайших наград: четыре медали и двое серебряных часов с цепочкой. В докладе “Материалы обследования Московской сысской полиции и жалоб на градоначальство, произведённого Членом Совета министра внутренних дел Н. Ч. Затончковским” петербургский ревизор написал о Стефанове: “Вообще дело о службе есть сплошной панегирик его служебной деятельности”**.

Весной 1906 года Стефанова, прекрасно зарекомендовавшего себя на новом месте, назначили исполняющим должность чиновника по особым поручениям при начальнике Сысского отделения Д. И. Моисеенко. Однако первые

* В декабре 1905 года был зверски убит заместитель начальника Московской сысской полиции А. И. Войлошников. Революционеры-боевики ворвались к нему в квартиру и, несмотря на мольбы жены и детей, расстреляли.

** Cit. по: Гурьев В. И. Становление Московской сысской полиции. //Актуальные вопросы гуманитарного познания. Научный молодёжный ежегодник. Вып. 5. Ч. 2. С. 40.

же успехи по розыску преступников в новом качестве привели сыщика к конфликту с начальством.

А началось всё с того, что в Московскую сыскную полицию обратился с заявлением присяжный поверенный Синани. Он сообщил, что действует по просьбе клиента, воронежского помещика Тарасова. Его имение было ограблено в апреле 1905 года, и теперь стало известно, что один из преступников, крестьянин Низов, отправился в Москву для реализации украденных ценных бумаг на сумму 70 тысяч рублей. Присутствовавший при разговоре агент сыскной полиции Николай Огарёв повёл себя странно, что сразу бросилось в глаза его товарищам. Не отвечая на расспросы, он самовольно ушёл с дежурства и больше на службе не появлялся.

По приказу начальника розысками пропавшего агента занялся Стефанов, и вскоре ему удалось найти беглеца, да ещё в компании с... Низовым. По описанию журналиста В. Ярхо, дальше события развивались совсем не так, как ожидал Стефанов:

“Огарёв не потерял присутствия духа: чтобы уладить дело, он посулил коллеге 5 тысяч рублей. Возмущённый Стефанов заявил, что немедленно доложит об этом Моисеенко. Огарёв лишь рассмеялся ему в лицо. Сыщик-ренегат намекнул, что Дмитрий Иванович в курсе дела, и пояснил: эта квартира – явка. Члены преступных шаек приносят на неё “долю”, а он поставлен сборщиком. Вот Низов, например, просил его превратить ценные бумаги в наличные, а он ему помогает – и за это получит причитающееся. Тех, кто платит, полиция не трогает. От принесённой доли большую часть Огарёв превращает в чистые деньги, которые передаёт начальнику, а уж с кем тот делится, он не знает, но догадывается.

Стефанов думал, что Огарёв блефует – бравада преступника, попавшегося с поличным! – и повёз его напрямик на квартиру к Моисеенко, чтобы сразу же вывести на чистую воду. Там-то и случилось странное: в домашнем кабинете начальника ему было приказано Огарёва освободить. Моисеенко объяснил приказ просто: “Так надо”. Ведение дела у Стефанова отобрали и передали агенту Ботневу. Вскоре Николай Огарёв скрылся. В следственном деле было записано, что он, находясь в бегах, умер при невыясненных обстоятельствах”*.

Прошло совсем немного времени, и на Стефанова обрушился гнев не только непосредственного начальника, но и самого градоначальника Рейнбота. На этот раз чиновника по особым поручениям привели к неприятностям его же успехи в расследовании серии дерзких краж на железных дорогах (в основном на Казанской).

Как выяснилось, преступники досконально отработали технологию похищения ценностей. При помощи сторожей-соучастников воры забирались в товарные составы, на перегонах выбрасывали из вагонов тюки с товарами, а затем вешали поддельные пломбы. Пропажи, как правило, обнаруживались далеко от Москвы, только в пункте назначения. Тем временем краденое успевало отвезти скупщикам – купцам из торговой фирмы “Зелман Членов и сын”, владевшим складами в переулках возле Мясницкой и магазинами на Ильинке.

Стоимость товара, пропавшего во время перевозки по железной дороге, были вынуждены возмещать по страховке транспортные конторы. Только одна из них из-за краж за год понесла убытки на астрономическую по тем временам сумму – два миллиона рублей. Позже выяснилось, что и железнодорожное начальство наловчилось греть руки на кражах. Оно приноровилось прямо на станции изымать часть груза, передавать его ворами, а потерпевшим выплачивать страховку из казённых денег.

Стефанов вышел на след преступников, можно сказать, случайно. Он допрашивал скупщика краденого Зыбина, проходившего по совершенно другому делу, но на всякий случай спросил о товарах с железной дороги. Подследственный удивился и, кивнув на присутствовавшего в кабинете чиновника полиции Сологуба, сказал:

– Да ведь сыскная полиция обо всём знает. Вот Сологуб вам лучше расскажет.

Но тот не стал делиться информацией, а быстро вышел из кабинета, чтобы обо всем доложить Моисеенко. Начальник сыскной полиции телефониро-

* “Совершенно секретно”, № 4/191 от 04/2005.

вал генералу Рейнботу, и очень скоро Стефанову пришлось выслушать суровый разнос от градоначальника:

– Что вы делаете? Зачем раскрываете железнодорожные кражи? Если будете якшаться с судебной властью (непечатная брань), я вас арестую и вышлю по этапу из Москвы!

Арест, правда, не состоялся, но из полиции Стефанов был спешно уволен. Позже он узнал, что купцы, торговавшие “железнодорожными” товарами, за его устранение вручили начальству 30 тысяч рублей. И что характерно, “отцы-командиры” продолжали преследовать бывшего чиновника по особым поручениям. Сначала они организовали через Союз русского народа донос, содержавший обвинение Стефанова в убийстве, но у него оказалось железное алиби, поэтому дело развалилось. Затем начальник сысской полиции подкупил мошенника Струевича, чтобы тот обвинил строптивного сыщика в получении взятки. Рейнбот немедленно приказал произвести обыск и начать следствие, но и оно закончилось ничем.

Несмотря на все препоны, Стефанов продолжал работу по изобличению преступников. Он отправился в Санкт-Петербург и подал в Сенат доклад, в котором описал все свои злоключения. Представленные им факты оказались настолько убедительными, что тут же была организована сенатская проверка деятельности московской полиции. Сам Стефанов приказом из столицы был прикомандирован к прокурору Московского окружного суда В. Ф. Арнольду, который довёл дело до конца и усадил на скамью подсудимых всю воровскую шайку – около 60 человек. Среди них были два чиновника сысской полиции, околоточный надзиратель и главный скупщик краденого З. Членов. Купца как ключевую фигуру на процессе Моисеенко лично попытался вывести из-под удара. Он предложил следователю взятку, но прокурор (пусть не удивляется современный читатель!) её отверг, сохранив верность долгу.

Последней попыткой дискредитировать Стефанова было заявление его бывшего коллеги по сысской полиции, прозвучавшее уже на суде. Суть клеветы заключалась в том, что никакой воровской шайки не существовало, а всё дело было состряпано чиновником по особым поручениям. Он, мол, сам нанял на Хитровке оборванцев, организовал налёты на поезда, чтобы затем успешно раскрыть громкое преступление и сделать карьеру.

Во время слушания дела вскрылась пикантная подробность: один из заправил воровской шайки Шестаков, уже пожилой человек, жил с гимназисткой из Лебедянска Ольгой Зарубиной. Он увёз её в Москву, соблазнив рассказами о весёлой столичной жизни. Когда девушка поняла, в какую компанию попала, она стала вести дневник, где описывала всех тех, кто приходил на квартиру её сожителя, а также содержание разговоров между ними. Таким образом, стало известно постоянное бахвальство вора перед членами шайки об их сообщнике из сысской полиции: “Сологуб на нашей стороне и всегда предупредит, если будет опасность...”

Только в 1913 году состоялся суд над полицейскими, покрывавшими железнодорожных воров. Среди них не было Моисеенко, уже наказанного Богом: после позорного увольнения со службы его разбил паралич. В ходе процесса достоянием гласности стал факт, что сыщики не столько преследовали воров, сколько старались создать им благоприятные условия для “работы”. В этом был их главный интерес, поскольку воры отчисляли полицейским солидный процент с добычи. Оказалось, что на банковских счетах “оборотней в погонах” лежали десятки (а у одного из них – сотня) тысяч рублей.

Как ни странно, но наказание коррумпированным полицейским было довольно мягким: увольнение со службы, штрафы от 100 до 500 руб., в отдельном случае год заключения в арестантском отделении.

Что касается сыщиков, оставшихся на службе, то встряска, несомненно, пошла им на пользу. В феврале 1908 года начальником сысской полиции Москвы был назначен статский советник Аркадий Францевич Кошко. На службе в первопрестольной ему удалось не только подтвердить личную репутацию “короля сыска” – он на деле доказал, что энергичный и честный начальник может превратить подведомственное ему подразделение полиции из шайки коррупционеров в реальную силу для борьбы с преступностью.

В приказе от 14 июля 1914 года градоначальник Адрианов отмечал сложную обстановку, в которой А. Ф. Кошко пришлось начать свою деятельность в Московской сысской полиции:

“Он принял её в разорённом виде: не было ни людей, ни помещения, ни внутренней правильной организации; не было той необходимой спайки между наружной и сыскной полицией, без которой трудно ожидать успешной и целесообразной работы. Между тем преступность не останавливалась, преступления совершались и даже в большем количестве, чем в любое время. Москва как промышленный и торговый центр, как узел десяти железных дорог привлекает преступные элементы в большем числе, чем другие города империи, и если она в числе больших городов Европы занимает не первое место по преступности, то, во всяком случае, стоит весьма высоко.

Если ещё принять во внимание, что пережитое смутное время всколыхнуло грязное болото, из которого вылезли негодные отрёпья общества, способные на всякие преступления от грубого убийства, разбоя до тонкого мошенничества, шантажа и т. п., и что смутное время развязало им руки, придало им больше смелости и дерзости, и вследствие этого преступность сильно возвысилась, то будет понятно, при каких тяжелых условиях статский советник Кошко принял московскую сыскную полицию. Нужно было бороться с преступностью и в то же время нужно было создавать средства этой борьбы”.

Новый начальник сыскной полиции начал с налаживания чёткой системы расследования и пресечения уголовных преступлений. Не внося коренных изменений, Кошко неуклонно добивался, чтобы каждый его сотрудник работал честно и с максимальной отдачей.

При каждом полицейском участке был поставлен надзиратель сыскной полиции, имевший под началом несколько постоянных агентов (вольнонаёмных), а также целую сеть внештатных агентов и осведомителей. “Каждый участковый надзиратель, — отмечал Кошко в мемуарах, — прослужив несколько лет в своём участке, с помощью своих постоянных агентов и многочисленных агентов-осведомителей имел возможность самым подробным образом изучить и территорию, и состав её населения. Обычно всякий переулочек, всякий дом были ему известны, что, конечно, значительно облегчало дело розыска”.

Обобщив опыт работы сыщиков, в том числе и московских, Министерство внутренних дел приняло в 1910 году “Инструкцию чинам сыскной полиции”. В частности, этим документом предписывалось постоянно собирать информацию:

“а) о притонах преступников, ночлежных домах, чайных лавках, постоянных и заезжих дворах, местах сбыта краденого (толкучие рынки), о содержателях воровских квартир и приёмщиках краденого, о лицах, занимающихся сводничеством, о местах наиболее усиленного проявления преступности (как, например, публичные дома, вокзалы, театры, трактиры, гостиницы, меблированные комнаты, тайные квартиры свиданий и тому подобное);

б) о “местах стоянки рабочих” и “рекомендательных конторах” для найма, причём необходимо выработать соответствующие местным условиям меры регистрации прислуги порочного поведения и надзора за рекомендательными конторами;

в) о проживающих в городе лицах, состоящих под особым надзором полиции, и о подчинённых гласному надзору в порядке административном;

г) о лицах, промышляющих развратом, сводничеством, сутенёрством, педерастией, доставкой женщин в русские и заграничные дома терпимости (см. в прилож. Циркул. Минист. О международном соглашении о мерах преследования торговцев “живым товаром”);

д) о высланных или подвергнутых взысканиям в порядке административном;

е) о лишённых права занятия каких-либо должностей, наприм. извозчиков, сторожей, дворников, швейцаров и т. п.;

ж) о неблагонадёжных полотёрах, водопроводчиках и иных мастеровых, пользующихся доступом в дома под предлогом своей профессии для совершения краж;

з) о подвергнутых неоднократно наказаниям за буйства, безобразное поведение в публичных местах;

и) о профессиональных нищих. [...]

Для наиболее успешного наблюдения по указанным предметам в каждом отделении должны иметься планы города и губернии в крупном масштабе, на которых должны отмечаться данные, поименованные в п. а, б, в, названных статей”*.

* Цит. по: Колдаев В. М. Указ. соч. С. 333–334.

В распоряжении начальника сыскальной полиции было несколько чиновников по особым поручениям, имевших в подчинении несколько надзирателей и, в свою очередь, также располагавших штатом собственных агентов. При необходимости им поручалось не только расследование преступлений, но и проверка деятельности участковых надзирателей.

Около сорока агентов сыскальной полиции составляли особый «летучий отряд». В нём имелись специалисты по борьбе с отдельными, имевшими свою специфику розыска видами преступности: кражами в магазинах, в театрах, конокрадством и т. д. Для перевоплощений в представителей разных слоёв населения в распоряжении сыщиков были гримёр и парикмахер, а также целый склад всевозможных костюмов.

В дополнение к уже существовавшей структуре сыскальной полиции Кошко создал группу хорошо законспирированных «помощников»: «Над деятельностью чиновников особых поручений я наблюдал лично, имея для их контроля около двадцати секретных агентов. Имена и адреса последних были известны только мне. Им вменялась в обязанность строжайшая конспирация; с ними я видался только на конспиративных квартирах, которых у меня в Москве имелось три. С помощью этих секретных агентов я мог наблюдать за действиями и поведением любого моего подчинённого, не возбуждая в нём подозрений. Эти двадцать человек были выбраны мною с большим разбором. Кадры моих секретных агентов я старался пополнять людьми, принадлежавшими к различным слоям московского населения. В числе их, помнится, была и старшая барышня с телефонной станции – весьма ценный агент, – довольствовавшаяся театральными и железнодорожными билетами, коробками конфет и духами; был и небезызвестный исполнитель цыганских романсов, вечно врашавшийся в театральном мире; было и два метрдотеля из ресторанов, наблюдавших за кутящей публикой, и агент из бюро похоронных процессий, и служащие из Казенной палаты, Главного почтамта и пр.

Эти агенты не столько вели общее наблюдение, сколько употреблялись мною в отдельных нужных случаях. Обычно им давалось определённое задание: проследить такого-то, проверить того-то и т. д.»

Благодаря личным агентам, Кошко всегда имел возможность подвергнуть двойной или даже тройной проверке любого из своих подчинённых. Убедившись на личном опыте в бесполезности втирания очков начальству, сотрудники сыскальной полиции заработали в полную силу, что не осталось незамеченным. Так, например, газета «Раннее утро» сообщила: «Агентами московской сыскальной полиции в 1910 году раскрыто простых краж до 300 руб. – 780, свыше 300 руб. – 257. В 291 случае краж со взломом преступники были обнаружены. Карманных краж открыто 134, простых грабежей – 38, вооружённых – 3, убийств – 21, затем – 92 мошенничества, 168 растрат, 2 поджога, 6 подкинутых «кукол» и 125 других преступлений. Всего было открыто 1917 преступлений. [...] Общий % раскрытых преступлений 46. [...] В Москве развито и конокрадство: за год похищено 369 лошадей. Удалось разыскать 121 лошадь».

Кроме морального удовлетворения, служба на совесть давала сыщикам возможность получать весьма ощутимые награды – от повышений в чинах до солидных денежных премий.

Другим успешным нововведением А. Ф. Кошко было нанесение превентивных ударов по преступному миру. Их применение было вызвано тем, что Москва особенно сильно страдала от набегов воров и грабителей в праздничные дни. «Помню, что в первый год моего пребывания в Москве, – вспоминал Кошко, – я на Рождество чуть не сошёл с ума от огорчения. 27 декабря было зарегистрировано до шестидесяти крупных краж с подкопами, взломами, выплавливанием несгораемых шкафов и т. п., а о мелких кражах и говорить нечего: их оказалось в этот день более тысячи. Из этих цифр явствовало, что город наводнен мазурьём и мне надлежит вымести из него этих паразитов».

На Рождество, Пасху и Духов день полиция фиксировала небывало огромное количество преступлений. Громилы, пользуясь тем, что торговые заведения в течение двух-трех дней были закрыты, устраивали подкопы, проломы в стенах, разбирали потолки, вскрывали сейфы и без помех уходили с богатой добычей. Когда полиции становилось известно о совершённом преступлении, его участники уже находились далеко за пределами города либо успевали залечь на глубокое дно.

Существовала чётко отлаженная система: местные вору вели разведку, готовили подходы к объекту, а уже сейф вскрывал какой-нибудь супервзлом-

щик, специально приглашённый “на дело” из другого города. В 1914 году “Вестник полиции” сообщал об этих уникамах:

“Специалисты по взлому несгораемых шкафов работают сдельно, приезжая на гастроли по особому ангажементу. Получают они плату от инициатора кражи со “штуки”, без всякой зависимости от выручки. Такой гастролёр приезжает обыкновенно в день, назначенный для взлома, его должны доставить на работу, окончив которую он уезжает с первым поездом.

Все подготовительные действия и последующая ликвидация похищенного его не касается. Многие из них одеты по последней моде, останавливаются в первоклассных гостиницах и весь свой “набор” возят в дорогах английской кожи баулах.

После разгрома торгового дома Г. в Москве на месте был оставлен ряд инструментов с английскими клеймами, которые были оценены специалистами в тысячу с лишним рублей. Однако ни один из них не мог определить назначенные отобранные орудия для технических целей. Впоследствии выяснилось, что все эти приборы были изготовлены по особому заказу одним из заводов Англии по приложенным чертежам и высланы по указанному адресу в Германию”.

Первые попытки обуздания “праздничной” преступности окончились неудачей. Как потом признавался Кошко, избранная им тактика – практически ежедневное проведение облав силами небольших групп полицейских – оказалась ошибочной: “... действительно, преступные элементы при приближении незначительного наряда полиции частью благополучно скрывались, а если и попадались люди, не имеющие права жительства в столицах, то, будучи отправлены на родину этапным порядком, вскоре бежали оттуда и вновь появлялись в Москве, где и пребывали до следующей поимки. Этот своеобразный “перпетуум мобиле” приводил меня в отчаяние”.

Тогда сыскная полиция стала практиковать широкомасштабные облавы, устраивая их в преддверии праздников. Для проведения таких операций привлекали крупные силы: до тысячи городских, более двухсот околоточных надзирателей, десятки приставов и агентов-сыщиков. Задержанные в ходе прочёсывания города преступники-рецидивисты, не имевшие права находиться в столицах, оказывались либо за решёткой, либо в пути, следуя в принудительном порядке к местам прописки. Даже если они по дороге бежали, то уже не успевали вернуться в Москву, чтобы “пойти на дело” в праздничные дни.

Кошко, называя грандиозные облавы “генеральными сражениями российских мошенников”, описывал их в мемуарах так:

“Технически организовать облаву было нетрудно, так как силы сыскной и наружной полиции Москвы были для этого достаточны. Сложность этого способа борьбы заключалась в том, что приходилось соблюдать строжайшую тайну о дне и часе облавы не только от своих служащих, но и от чинов наружной полиции, между тем как в “экспедиции” принимало участие более тысячи человек. Дней за десять, иногда за восемь, а то и за пять до больших праздников я приказывал моим надзирателям, чиновникам и агентам собраться в полиции часам к семи вечера якобы для ознакомления с каким-либо новым циркуляром или для получения от меня общих указаний по очередному сложному делу. Когда люди были собраны, им объявлялось, что сегодня ночью облава. После этого никто из них уже не только не выпускался из помещения, но им строжайше запрещалось даже разговаривать по телефону. В состоянии “арестованных” они пребывали до ночи, то есть до самого начала действий. Вместе с тем я просил градоначальника нарядить мне в помощь тысячу городских, человек пятьдесят околоточных и десятка два приставов и их помощников. К ночи городские стягивались в один общий исходный пункт (часто во дворе при жандармском управлении), к ним присоединялись мои люди. Руководители получали подробные инструкции, и глухой ночью начиналась облава.

Для большего успеха отрядам предписывалось следовать шагом до определенного места, а оттуда пускаться бегом и возможно быстрее оцепить намеченный район, квартал или группу домов, подлежащих осмотру.

Внезапность атаки играла огромную роль, сильно уменьшая шансы скрыться для преследуемых преступных элементов. По просьбе некоторых московских газет редакции их извещались за час до начала облавы, и уведомленные сотрудники их тотчас приезжали ко мне.

Когда подлежащие осмотру районы были уже окружены полицией, в назначенный час мне подавался автомобиль, и я в сопровождении трех-четырех

хроникёров выезжал на место действия, а на следующее же утро в газетах появлялись подробные мелодраматические отчеты, не лишённые жути, образности и фантазии, сообразно индивидуальным особенностям их авторов. Помнятся мне несколько таких моих выездов к Хитрову рынку, в так называемые Кулаковские дома. Эти вертепы, эти клоаки, эти очаги физической и моральной заразы достойны описания”.

Прежде чем продолжить цитирование рассказа начальника сыскной полиции, приведём характеристику, данную главной достопримечательности Хитровки историком Москвы П. В. Сытиным:

“Самым отвратительным был дом Кулакова, занимавший угловой участок между нынешними Астаховским и Петропавловским переулками. Он состоял из нескольких каменных корпусов: в нём было 64 ночлежных квартиры на 767 мест, а ночевало ежедневно не менее 3 тысяч человек. Люди спали, где только могли: под нарами, в проходах и т. д.”

Теперь становится понятным, почему для прочёсывания одного этого уголка Хитровки требовалось привлекать не менее тысячи полицейских. К тому же управляющие Кулаковскими ночлежками, зачастую промышленявшие скупкой краденого, мошенничеством, тайным винокурением и подпольной продажей спиртного, сами были “тёмными личностями”. Во время облав сыщики первым делом врываются в “квартиру” содержателя ночлежки (угол комнаты, огороженной грязной занавеской) и почти всегда находили улики преступной деятельности.

Успех операции по проверке обитателей ночлежек, по свидетельству Кошко, зависел от проворства и слаженности действий сотрудников полиции:

“В каждом этаже находился длинный общий коридор, куда выходили двери всех квартир. Двери эти, по требованию полиции, никогда не запирались на замок. Толкнув такую дверь, я быстро входил с отрядом, и если помещение было в первом этаже, то люди мои кидались к окнам, предупреждая побеги.

Квартиры состояли обычно из двух-трёх комнат, из которых одна была “дворянской”. Носила она это пышное наименование вследствие того, что вместо нар в ней находились кровати с некоторым подобием тюфяков, и ночёвка в ней стоила целый пятак; на нарах же люди устраивались копейки за три; для кого же и эта цифра была велика, те приобретали за копейку право спать на полу, под нарами, за печкой и тому подобных менее привилегированных местах. [...]

Наше появление вызывало сильное смятение. Впрочем, опытный взор и в этом смятении мог бы усмотреть известную последовательность и закономерность. Добрая половина жильцов оставалась сравнительно спокойной, лениво потягивалась на нарах и встречала нас возгласами вроде: “Ишь, сволочи, опять притащились! Не дают покоя честным людям!” У этих “флегматиков” можно было бы и не спрашивать документов – они были, конечно, в исправности.

Не то делалось с другой половиной ночлежников! Они в ужасе рассыпались по помещению, забивались за печки, прятались под нары, лезли чуть ли не в щели”.

По поводу спокойствия “флегматиков” заметим, что их реакция на проверку паспортов ещё не означала, что у них были подлинные документы. В истории московской полиции неоднократно зафиксированы случаи обнаружения сыщиками подпольных мастерских по изготовлению фальшивых видов на жительство. Преступники, не имевшие материальных затруднений, всегда могли обзавестись на Хитровке документами, практически не отличавшимися от настоящих. По этой причине Кошко и его сотрудникам приходилось досконально проверять всех задержанных во время облавы:

“За хозяйской перегородкой очищали место, и мы приступали к опросу и проверке каждого. Жутью веяло от этих людей, давно потерявших образ и подобие Божие: в лохмотьях, опухшие от пьянства, в синяках и ранах от недавних драк, все эти бывшие, а иногда даже и титулованные люди внушали ужас, жалость и отвращение. Впрочем, бывали случаи, когда среди этих бывших чиновников, офицеров, актёров, докторов и публицистов вдруг проявлялись проблески давно замерших переживаний человеческих, и больно и смешно было подмечать эти переживания, столь не гармонирующие со звериным обликом их носителей. Эта группа бывших интеллигентов производила наиболее тягостное впечатление.

— Где постоянно живёшь? — спрашиваешь босяка. И вдруг эта карикатурная личность, став в позу, тоном провинциального трагика заявляет с пафосом: — Уж пятый год, как отчий дом я променял на это пышное палаццо! — при этом соответствующий жест в сторону нары.

— Твой паспорт? — спрашиваешь старую полупьяную проститутку.

— А вот мой паспорт! — и женщина делает невероятно циничный жест.

— Как звать? — говорит пристав какому-то типу с чрезвычайно гордой осанкой, но без штанов.

— А вы кто такой?

— Ну, ладно, кто такой! Не видишь? Пристав!

Фигура без штанов презрительно шипит:

— Пф-ф-ф! Пристав?! Я иначе как с начальником и разговаривать не стану.

Вдруг из-за занавески высовывается голова, затем протягивается рука, и заплетаящийся язык произносит:

— Аркадий Францевич, будьте великодушны, одолжите двугривенный, до завтра, *parole d'honneur!* Ну, что вам стоит?! А выпить — во-о как хочется!

Иногда пороешься в кармане и протянешь рублевку. Словно не рука, а обезьянья лапа вырвет у тебя бумажку или монету, а за пологом уже слышится лирический восторг:

— Господи, Ты Боже мой!!! Какое, какое благородство!..

Там, в глубине комнаты, какая-то пьяная-распьяная женщина, очевидно, из бывших шансонеток, пытается кокетливо шевелить лохмотьями, заменяющими ей юбку, и, игриво подмигивая, испитым сиплым голосом поет: “Смотрите здесь, смотрите там!” При этом оголяет уродливые, отёкшие ноги. А перед тобой в это время мелькают и “коты”, и “хипесники”, и шулера, и просто жулики.

Дышать нечем, в висках стучит, а на душе тошно, и плохо отдаёшь себе отчёт в том, где ты и что с тобой. Где сон — где явь?! [...]

Предпраздничные облавы дали прекрасные результаты, и помнится мне, что на четвёртый год моего пребывания в Москве была Пасха, не ознаменовавшаяся ни одной крупной кражей. Рекорд был побит, и я был доволен!..”

Успехи начальника Московской сыскальной полиции в борьбе с преступностью были признаны не только в России, но и за её пределами. Введённые им приёмы розыска перенимались знаменитым Скотланд-ярдом. На Международном съезде криминалистов, проходившем в 1913 году в Швейцарии, русскую сыскальную полицию признали лучшей в мире по раскрываемости преступлений, и в этом была немалая доля заслуги А. Ф. Кошко.

Когда Кошко в 1914 году перевели на работу в столицу — руководить всеми органами сыска Российской империи — московский градоначальник генерал Адрианов издал специальный приказ, в котором воздавалось должное заслугам Аркадия Францевича:

“... За шесть лет руководства Московской сыскальной полицией одних крупных преступлений, убийств, разбоев, краж, крупных подлогов раскрыто 56, с обнаружением по ним виновных, которые осуждены судебными приговорами. По мелким кражам, как одному из наиболее повторяющихся видов преступлений, раскрыто до 50% виновных и найдено похищенное. Это кражи карманных часов, бумажников, в вагонах трамваев, театрах, т. е. кражи неуловимые, по которым весьма трудно обнаружить виновного или найти похищенное. За эти же 6 лет закрыто 60 клубов, в которых производилась азартная карточная игра, причём эти клубы существовали от 3 дней до 7 и в редких случаях 10 или 15 дней. Это те клубы, которые обыкновенно создаются людьми вполне благонадежными, но которые содержатся на средства особого типа антрепренёров, или просто-напросто шулеров, и в которых поэтому обыгрываются легкомысленные и доверчивые люди, не лишённые страстишки к азарту или верящие в счастье обогатиться при посредстве клубной карточной игры. [...]

Статский советник Кошко в своей работе не ограничивался одним только раскрытием уже совершившихся преступлений. Он смотрел на обязанности сыскальной полиции шире, и в сферу действий сыскальной полиции, по его мнению, должен входить не только розыск, но и предупреждение преступлений. И в таком направлении он вёл работу вверенной ему полиции.

Много было предупреждено преступлений — кроме разбоев и убийств. Эта предупредительная деятельность сыскальной полиции не изображена в отчё-

тах по Московской сыскной полиции; не всегда являлась достоянием печати, и потому о многих из них не знала широкая публика; о них знали я из представляемых мне письменных докладов и прокурорский надзор как ближайший орган, наблюдавший за деятельностью сыскной полиции.

Стремясь организовать службу сыскной полиции к достижению наибольшего успеха в работе каждого служащего, статский советник Кошко требовал от своих подчинённых сознания долга и твёрдых нравственных начал, требовал, чтобы все работали по совести, не ожидая каких-либо посторонних благ. Строго проводя эти начала, статский советник Кошко устранял от службы каждого, на кого падала хотя бы малейшая тень подозрения. И в этом отношении он также достиг полного успеха – Московскую сыскную полицию никто ни в чём не может упрекнуть. [...]

Расставаясь ныне с Аркадием Францевичем, я надеюсь, что, как оценило высшее начальство, так же оценит его и московское население, сохранив о нём добрую память; я же со своей стороны приношу ему от лица службы мою сердечную признательность и мои наилучшие пожелания полного успеха на его новом поприще”.

После ухода А. Ф. Кошко Московскую сыскную полицию возглавил К. П. Маршалк. На его плечи легла вся тяжесть борьбы с преступностью в годы Первой мировой войны, когда вместе с волной беженцев в Москву хлынули высококвалифицированные воры и мошенники из Польши и Прибалтики. Добавляла сложностей возросшая в несколько раз детская преступность. Много сил отнимала у сыщиков борьба (практически безуспешная) со спекуляцией.

Сыскная полиция Москвы прекратила своё существование в один день вместе со всей системой органов охраны общественного порядка царской России, которая 11 марта 1917 года была упразднена Временным правительством.